Prevost, Marcel

Istoriia pyshechki

Moskva

[19--]

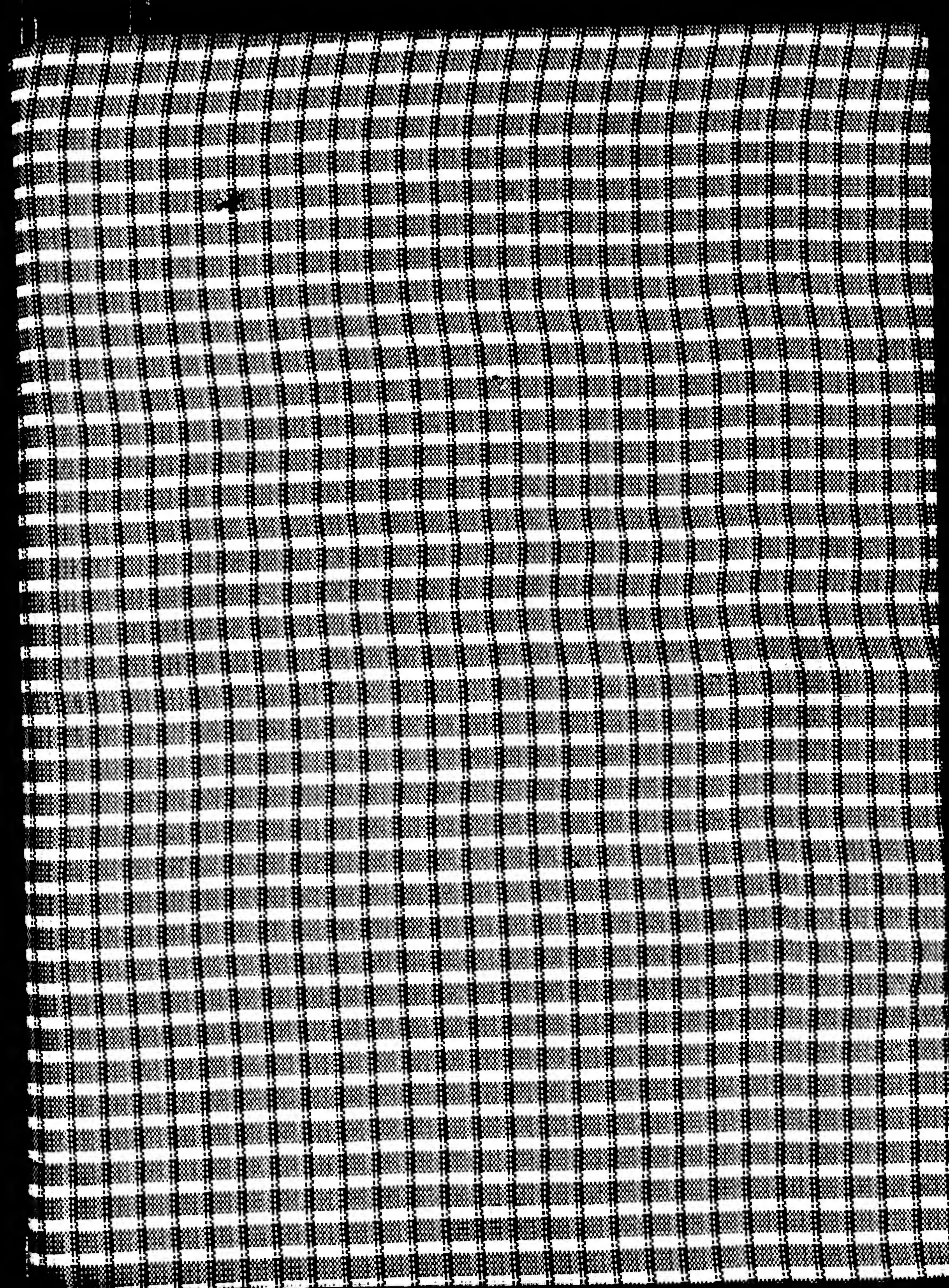
BIBLIOGRAPHIC RECORD TARGET
PRESERVATION OFFICE
CLEVELAND PUBLIC LIBRARY

RLG GREAT COLLECTIONS
MICROFILMING PROJECT, PHASE IV
JOHN G. WHITE CHAPBOOK COLLECTION

Master Negative Storage Number: OCI00054.01

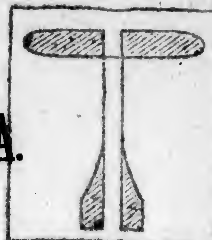
Control Number: BGM-6578
OCLC Number : 24903958
Call Number : W 381.5917N P929i
Author : Prevost, Marcel, 1862-1941.
Title : Istoriia pyshechki : razskaz / Marsel' Prevo ; perevod s frantsuzskago V. Kriv-skoi.
Imprint : Moskva : "Zviezda" N. Orfenov, [19--]
Format : 72 p. ; 17 cm.
Note : Colored illustration on cover.
Note : Translation from French.
Subject : Chapbooks, Russian.

MICROFILMED BY
PRESERVATION RESOURCES (BETHLEHEM, PA)
On behalf of the
Preservation Office, Cleveland Public Library
Cleveland, Ohio, USA
Film Size: 35mm microfilm
Image Placement: IIB
Reduction Ratio: 8:1
Date filming began: 10/31/94
Camera Operator: CS

ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛІОТЕКА.

МАРСЕЛЬ ПРЕВО.

X

ИСТОРІЯ ПЫШЕЧКИ.

РАЗСКАЗЪ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО
В. КРИВ—СКОЙ.

МОСКВА.
Книгоиздательство „ЗВѢЗДА"
Н. Орфеновъ.

МОСКВА.
Тип. РЕКОРДЪ Арбатъ, Б. Афанасьевскій, 32.

ИСТОРІЯ ПЫШЕЧКИ.

I.

Не думайте, дорогая Франсуаза, что вы одна мнѣ дѣлаете честь, обращаясь за совѣтами въ затруднительныхъ случаяхъ жизни.

Ко мнѣ обращаются разныя лица: и репортеры, и товарищи по несчастью—литераторы, и неизвѣстные.

О, я не самообольщаюсь, конечно. Репортеры стучатся въ мою дверь потому, что за нею установилась репутація гостепріимства. Иначе и не могло быть: кто собственными усиліями проложилъ себѣ дорогу въ литературѣ, того собратья по профессіи выругаютъ сквернымъ эгоистомъ, если онъ откажетъ имъ въ правѣ заработать на немъ нѣсколько строкъ.

Что касается неизвѣстныхъ посѣтителей, а чаще посѣтительницъ, ихъ привлекаетъ ко мнѣ моя сомнительная, правда,

репутація спеціалиста по женской психологіи. Спросъ на это мое искусство большой, и я думаю иногда, не посвятить ли мнѣ мою старость изданію особыхъ, вродѣ таблицъ логарифмовъ, указателей, какъ опредѣлять характеръ женщины.

Какъ бы то ни было, а въ этихъ интимныхъ женскихъ интервью я не чувствую себя такимъ жалкимъ, какъ передъ лицомъ собрата по перу, опрашивающимъ мое мнѣніе по марокккскому вопросу. Консультаціи перваго рода, такъ сказать, „психологическія“, имѣютъ уже то преимущество, что онѣ рѣдко публикуются, и поэтому на слѣдующій день вамъ не придется опровергать мнѣніе, появившееся подъ вашимъ именемъ и совершенно обратное высказанному вами.

Вечеромъ на прошлой недѣлѣ, когда я вернулся домой, мой слуга, снимая съ меня пальто, доложилъ:

— Къ вамъ приходила дама.

— Какая дама, Констанъ?

— Этой дамы я еще не видѣлъ у насъ. Назвать себя она не захотѣла.

Никакого желанія узнать, кто эта дама,

я не почувствовалъ. Интересъ къ анониму исчезаетъ у писателя далеко раньше тридцатилѣтняго возраста и не позднѣе трехъ-четырехъ опытовъ.

— Я сказалъ, что мосье принимаетъ отъ двѣнадцати съ половиной до двухъ ежедневно,—добавилъ Констанъ.

— Чортъ побери, зачѣмъ это? Значитъ, она опять придетъ?

— Да. Вѣроятно, даже завтра.

И какъ бы въ оправданіе, что не сумѣлъ отдѣлаться отъ посѣтительницы, онъ прибавилъ:

— Она хорошенькая.

Убѣжденный тонъ, какимъ онъ сказалъ это, разсмѣшилъ меня.

— Я вижу, Констанъ, она вамъ понравилась? Какого же типа она? Маленькая или высокая?

— Ни то, ни другое, мосье.

— Толстая или худенькая?

— Не худенькая и не толстая. Скорѣе... пухленькая... Эта дама... такая... какъ говорится... пышечка.

— Ну, хорошо, Констанъ; завтра,—если я буду дома, когда она придетъ,—вы при-

мете пышечку.

На слѣдующій день, послѣ завтрака, когда я мирно докуривалъ послѣднюю треть сигары,—ту послѣднюю, самую горькую, треть, отъ которой бурѣютъ усы,—въ дверь кабинета постучалъ Константъ.

— Мосье, дама пришла.

— Дама?

Я уже забылъ про ожидаемую посѣтительницу.

— Мосье, — напомнилъ слуга, стыдливо опуская глаза,—это та дама... пышечка...

Благонравная поза Констана опять привела меня въ веселое настроеніе.

— Попросите эту даму въ гостиную; черезъ минуту я буду у ея ногъ.

Стоялъ дивный осенній день, не знойный и безъ лишней прохлады, одинъ изъ тѣхъ дней, когда кажется, что осени такъ понравилось у насъ въ Парижѣ, что она рѣшила остаться въ немъ и на зиму.

Войдя въ гостиную, я увидѣлъ даму, сидящую въ креслѣ, подъ защитой ширмочки отъ солнца.

Съ перваго же взгляда я отмѣтилъ, что

костюмъ и прическа моей гостьи тщательно обдуманы, но что ей не достаетъ „того особеннаго, остраго и интригующаго“, что, по разъясненію кардинала Перро въ академическомъ словарѣ, подразумѣвается подъ словомъ „шикъ“.

Въ убранствѣ головы наиболѣе заслуживала вниманія окаймляющая шляпу вуалетка—абажуръ съ фіолетовыми горошинками и довольно крупными окошечками, болѣе крупными, чѣмъ нужно для тѣхъ, кто употребляетъ вуалетку только для защиты лица. Мысленно я отмѣтилъ ту черту характера, на которую указывала вуалетка-абажуръ

Здѣсь будетъ признаніе, тайна, романъ,—съ тоской угадывалъ я содержаніе консультаціи. За что, великіе боги?

Инстинктивно я насторожился противъ ея искренности: искреннія чувства, живыя движенія сердца и серьезныя душевныя неурядицы, обыкновенно, не совпадаютъ съ пристрастіемъ къ туалету и стремленіемъ выбирать оттѣнки вуаля.

— Ахъ, мосье,—сказала она, приподнявшись слегка и снова опустившись въ кре-

сло, какъ только я появился передъ нею.— Ахъ, мосье, если-бъ вы знали, какъ мнѣ совѣстно докучать вамъ... и какъ я тронута вашимъ пріемомъ. Что-то мнѣ подсказало, какой-то внутренній голосъ послалъ меня сюда и сказалъ, что вы мнѣ не откажете!.. Вы вѣрите въ телепатію? И вотъ я пришла къ вамъ, какъ приходятъ къ врачу или къ духовнику.

Когда я слышу такое вступленіе, дорогая крестница, я испытываю нѣчто вродѣ желчныхъ коликъ. Несносный Констанъ!— промелькнуло у меня въ головѣ, и усѣвшись поудобнѣе, я рѣшилъ слушать такъ, какъ будто дама говорила не со мной, а съ кѣмъ-нибудь третьимъ.

Тотчасъ же я узналъ, что мои книги сдѣлались ея „обычной духовной пищей" (тѣмъ не менѣе она ни одной изъ нихъ не дочитала до конца, какъ выяснилось для меня впослѣдствіи); что въ семнадцать лѣтъ она уже составила прекрасную партію; да, ея мужъ—прекрасный человѣкъ... но... „вы поймете, конечно: высокое положеніе въ финансовомъ мірѣ... много занятій... вѣчно цифры, счета... ахъ, эти противныя циф-

ры!“—что она была совсѣмъ неопытна и „такая чистая, такая чистая“, и когда она стала женой, она была „такъ неприступна“, что за это на нее даже клеветали. Въ концѣ концовъ, я узналъ, что она—мать одиннадцатилѣтняго ребенка-чуда, воспитанника Лакнальскаго лицея.

Одиннадцать и восемнадцать = двадцать девять; она не предусмотрѣла этого ариѳметическаго факта, когда вначалѣ сказала мнѣ, что ей нѣтъ и двадцати пяти.

Ну, что же! Мой іезуитскій пріемъ ариѳметическаго сложенія нисколько не повредилъ моей дамѣ. Всмотрѣвшись внимательнѣе, я убѣдился, что она долго еще можетъ держаться своихъ двадцати четырехъ.

Кругленькое личико, золотистые волосы, въ рамкѣ фіалковаго вуаля, мелкія черты лица, пунцовый маленькій ротъ, по-дѣтски вздернутый носикъ, голубые глаза, маленькій лобъ, маленькій подбородокъ съ ямочкой—во всемъ было что-то дѣтское. Да, это былъ большой ребенокъ, изъ тѣхъ счастливыхъ хорошенькихъ дѣтей, которыя получаютъ призы на конкурсахъ.

Тоненькія ручки вздулись подушечками

въ тѣсныхъ шведскихъ перчаткахъ; ножки, короткія и широкія, съ трудомъ переносили неволю щегольскихъ ботинокъ. Талія—я подразумѣваю ту часть ея, которую стягиваютъ корсетомъ,—тонкая, можетъ быть, благодаря корсету; сверху и снизу этой экваторіальной полосы мило выбивались наружу контуры закругленныхъ формъ, выдававшіе намѣренія щедрой природы относительно этого зрѣлаго женскаго тѣла.

Констанъ былъ правъ. Моя кліентка не была толста, она была только пухленькая, „пышечка", въ полномъ смыслѣ этого удачнаго выраженія.

Можно было предположить даже, что она полнѣетъ день ото дня. Что за дѣло! Она будетъ только аппетитнѣе.

И ея милое жеманство, и этотъ недостатокъ шика, заблужденія въ туалетѣ, даже ея болтливость—все шло къ ней и все было терпимо за то, что... (почему бы мнѣ не признаться вамъ въ этомъ?) что она такъ аппетитна.

Терпимо... только не при условіи безконечныхъ бесѣдъ. И дѣйствительно, когда мысль ея неожиданно свернула на побоч-

ную тему о святости высокаго призванія матери и о любви ея къ „гордости Лакнальскаго лицея“, я почувствовалъ сильное безпокойство.

— Я не думаю, чтобы было много матерей, которыя отдавались бы воспитанію ребенка такъ, какъ я... Я руковожусь современными идеями. Воспитаніе должно...

— Сударыня,—прервалъ я, — простите, но я боюсь, что мои дѣла не позволятъ мнѣ посвятить вамъ столько времени, сколько я желалъ бы. А вы еще не сказали мнѣ, чему я обязанъ счастьемъ вашего визита и чѣмъ я могу вамъ служить...

Она остановилась, сильно смущенная.

— Да, да, я знаю... Ваши минуты драгоцѣнны... И мнѣ нужно еще представить на вашъ судъ одинъ случай... и меня самое... Но какъ же сказать... сейчасъ сразу... и все... Нѣтъ, я не могу... Это останавливается у меня вотъ здѣсь (она указала рукой на маленькое углубленіе поверхъ корсета, надъ которымъ спускалась черная жемчужина на золотой цѣпочкѣ).

— Мосье, теперь, когда вы меня знаете,—вдругъ неожиданно заключила она,—

я буду умолять васъ объ одной услугѣ: помогите мнѣ спасти одно человѣческое существо, достойное состраданія, достойное уваженія, восторга... хотите вы помочь мнѣ, скажите?

Чтобы усилить просьбу, она, какъ дитя на молитвѣ, сложила вмѣстѣ ладони, насколько можно сложить ихъ, когда одна изъ нихъ свободна, а другая просунута въ маленькую соболью муфту.

Я отвѣчалъ неопредѣленнымъ жестомъ, которому одинаково можно было приписать и участіе, и недоумѣніе.

Дама, повидимому, полагала, что для меня все уже ясно.

— Но, сударыня, прежде, чѣмъ раздѣлить съ вами право на орденъ за спасеніе погибающихъ, я долженъ знать объектъ и родъ предполагаемаго спасенія, — напомнилъ я.

Она спохватилась.

— О, никакихъ хлопотъ для васъ, мосье; нуженъ только совѣтъ... отчасти для меня... и особенно для одного страдающаго юноши... почти ребенка! (она тяжело вздохнула, сжимая руками грудь, какъ цѣлаютъ

на сценѣ).—Вообразите, какъ должна страдать честная женщина, когда другъ, молодой, великодушный, деликатный, къ которому она питаетъ только искреннюю дружескую привязанность, проситъ ее... перестать быть добродѣтельной женщиной... увѣряя ее, что ея упорство будетъ причиной его смерти... да, смерти, мосье!.. что онъ не хочетъ жить, что онъ не можетъ далѣе бороться съ самимъ собой и поэтому уѣдетъ въ далекія страны, въ колоніи, гдѣ людей встрѣчаетъ неминуемая смерть отъ лихорадки. И только я удержала его отъ рѣшенія покончить съ собой здѣсь, въ Парижѣ. Подумайте, онъ хотѣлъ лишить себя жизни... выстрѣломъ изъ револьвера или задохнуться отъ газа... здѣсь, въ Парижѣ! Я сказала ему: „Эмиль, я запрещаю вамъ это". (Я зову его уменьшительнымъ, онъ такой юный—всего двадцать три года и въ какомъ-то родствѣ съ моимъ мужемъ). „Эмиль, вы не должны этого дѣлать, если не для васъ, то для меня: подумайте о скандалѣ! Будутъ искать причинъ вашего самоубійства; кончатъ тѣмъ, что ихъ отыщутъ, конечно. Что будетъ съ моей репу-

таціей?“ Онъ уступилъ моему требованію, отказался отъ револьвера и газа, но написалъ мнѣ: „Рокъ посылаетъ меня умирать вдали отъ родины. Пусть будетъ такъ! Я ѣду въ колоніи“. И теперь, мосье, надъ моей головой ежеминутно виситъ эта угроза... при первомъ же отказѣ... этотъ ужасъ.. Ахъ, мосье, увидѣть собственными глазами, какъ это полное жизни дитя помчится навстрѣчу смерти!

При этихъ словахъ пышечка достала изъ муфты наполовину батистовый, наполовину кружевной комочекъ и приложила къ глазамъ, слегка влажнымъ. Нѣкоторые люди очень чувствительны къ собственному краснорѣчію; и изъ всѣхъ трогательныхъ явленій жизни самыми трогательными они находятъ произносимыя ими рѣчи.

Простите мое каменное сердце, Франсуаза: мои глаза не увлажнились слезами! И „ужасъ увидѣть летящаго навстрѣчу смерти Эмиля“ не поколебалъ моего безмятежнаго спокойствія: я зналъ уже теперь, что Эмиль никуда не помчится. Относительно такихъ людей, какъ Эмиль, можно быть совершенно спокойнымъ: кто говоритъ о

самоубійствѣ съ такой непринужденностью и, съ такимъ обиліемъ словъ, доказываетъ лишь, какъ далекъ онъ отъ этого рѣшенія. Смерть молчалива, и кто съ твердымъ рѣшеніемъ смотритъ въ ея лицо, тотъ не предупреждаетъ о немъ. Надъ нимъ тайна могилы, и наединѣ съ собою, сурово и просто онъ совершаетъ свое дѣло.

— Не тревожьтесь, сударыня, — утѣшилъ я пышечку.—Эмиль не покончитъ съ собой и никуда не уѣдетъ изъ Парижа.

— Да? Вы думаете!—встрепенулась она.

Она какимъ-то непонятнымъ способомъ быстро привела въ порядокъ свое лицо, и оно сново расцвѣло и оживилось... (Въ кружевномъ батистовомъ комочкѣ скрывалась, какъ я потомъ понялъ, пуховка для пудры).

— Да, онъ слишкомъ меня любитъ, чтобы лишить себя возможности видѣться со мной.—И, не подозрѣвая, сколько наивности и жеманства она обнаруживаетъ, она продолжала:

— Два раза уже онъ оставлялъ меня подъ такой угрозой. Какія двѣ ужасныя ночи я провела! Но на утро онъ прихо-

дилъ, бросался къ моимъ ногамъ и говорилъ: „Я не могъ... Умереть не могъ и покинуть васъ не могъ“. И каждый разъ, конечно, мнѣ приходилось дѣлать маленькія уступки. О, совсѣмъ ничтожныя, клянусь вамъ, я увѣрена въ себѣ... И однако это дѣлаетъ насъ какъ бы сообщниками... и это его поощряетъ.

Долгая пауза. И совершенно неожиданный вопросъ:

— Читали вы „Любовь“ Мишле, мосье?

— Да, сударыня,—отвѣтилъ я, не особенно удивленный такой внезапной экскурсіей въ литературу въ женскомъ разговорѣ.

— Тамъ есть одинъ эпизодъ... Молодой больной кузенъ увлекается женой своего брата, которая ухаживаетъ за нимъ во время болѣзни. Она также увлекается юношей... Хотя она была добродѣтельная женщина... изъ общества... Не правда ли, это совсѣмъ какъ мой случай?

— Да, если допустить, что мосье Эмиль боленъ,—поправилъ я.

— О, нѣтъ! У него желѣзное здоровье... У Мишле молодая женщина рѣшаетъ раз-

сказать все мужу. Она бросается передъ нимъ на колѣни и признается, что кузенъ ухаживаетъ за ней, что она почти уступила ему, словомъ—во всемъ. Авторъ рекомендуетъ эту систему. И, дѣйствительно, мужъ прощаетъ, поднимаетъ и цѣлуетъ жену, удаляетъ кузена, и всѣ дѣлаются снова счастливы... Не послѣдовать ли мнѣ такой системѣ, мосье? Пасть на колѣни и признаться во всемъ мужу? Вотъ совѣтъ, котораго я добиваюсь. Не отказывайте же мнѣ въ немъ, мосье; я прошу его у васъ, какъ милости!—И двѣ пухленькія ручки, на этотъ разъ безъ участія собольей муфты, опять сложились въ жестъ, немного дѣланный, немного заученный, правда, но все же безконечно милый!

— Сударыня,—началъ я послѣ нѣкотораго раздумья.—Мишле затронулъ вопросъ о любви совсѣмъ не для того, чтобы сказать, что это чувство, могучее, вѣчное, можетъ быть уложено въ рамки въ его произведеніяхъ, и еще менѣе для того, чтобы „рекомендовать извѣстную систему". Мишле писалъ въ ту эпоху, когда любовь у людей расцвѣтала большая и красивая, какъ те-

перь у васъ... шляпки! Затѣмъ, когда женщина этой эпохи рѣшала—пользуюсь вашимъ выраженіемъ—упасть къ ногамъ своего мужа и признаться ему въ такихъ непріятныхъ вещахъ, мужъ обязывался и нравами, и законами, а слѣдовательно, и литературой поднять ее и простить. „Молодой, великодушный, деликатный другъ“ не прибѣгалъ къ пустымъ угрозамъ, что онъ уѣдетъ въ колоніи, но если это былъ морской служака, онъ, какъ за милость Божію, хватался за командировау и отправлялся въ долголѣтнее плаваніе. Законы, нравы, общественное мнѣніе и литература нашихъ дней внесли въ любовь, какъ и во всю современную жизнь, расчетъ и реализмъ. Вы можете жалѣть или не жалѣть, что времена Мишле и Монтоглена прошли, но жить вамъ приходится въ двадцатомъ вѣкѣ, когда любовь уже не только поэзія, не только мечта. Духъ вѣка реализовалъ ее, какъ и всѣ цѣнности нашего времени. И вы должны поступать сообразно съ духомъ вѣка; это тѣмъ болѣе неизбѣжно, что въ какіе бы поэтическіе покровы не облекали вы любовь, она кончитъ тѣмъ, что сбро-

сивъ ихъ, обнажитъ передъ вами свою истинную природу.

— О, мосье! Вы жестоки!

— Мосье тутъ не причемъ, это—жизнь, сударыня. Вы же пришли на консультацію, я устанавливаю діагнозъ. Не спорю, пріятно наслаждаться поэзіей и сравнивать себя съ героинями Мишле, но вы—дочь своего вѣка, сударыня, и уже потому самому, безусловно, не идеалистка въ вопросахъ любви. И мосье Эмиль—простите, что я вамъ такъ много говорю—какъ мнѣ кажется, совсѣмъ не склоненъ сопровождать васъ въ царство мечты. Остерегайтесь! Ваши душевныя переживанія, какими бы психологическими узорами, какими бы моральными красотами вы ихъ не покрывали, имѣютъ самую простую и... грубую сущность.

Ваши усилія остаться честной женщиной вызваны не однимъ только отвлеченнымъ сознаніемъ долга; въ этомъ имѣется и простой, реальный расчетъ: вамъ не выгодно лишиться довѣрія мужа. Основываясь на вашихъ словахъ, я заключаю, что вашъ мужъ — человѣкъ положительный, съ дѣловымъ складомъ ума. Можете ли вы предви-

дѣть, какъ онъ отнесется къ сценѣ изъ Мишле, котораго вы хотите передъ нимъ розыграть? Какъ хорошій дѣлецъ, онъ знаетъ, что вѣрить въ кредитъ слѣдуетъ только до первой неисправности. Ему показалось бы чудовищнымъ, если бы вы не сопротивлялись Эмилю; но и того, что сохраненіе вашей добродѣтели стоило вамъ съ самою собой, онъ не проститъ вамъ никогда. Ваши мужья цѣнятъ вѣрность, когда она— результатъ предпочтенія, но не усилій. Поэтому лучше позаботьтесь, чтобы вашъ мужъ не узналъ о робкихъ и нѣжныхъ чувствахъ, которыя внушаетъ вамъ мосье Эмиль, но пусть онъ не знаетъ также и о вашей стойкости. Всегда не хорошо и рѣдко бываетъ полезно обманывать въ любви, но еще хуже обрушиваться на людей съ непріятными признаніями, хотя бы и во имя честности.

— Но, мосье, если не сказать мужу, какъ я могу сопротивляться Эмилю?

— Нужно выяснить прежде всего, хотите ли вы сопротивляться... Да? Тогда будьте реалисткой до конца. Исключите всѣ патетическія сцены; выбросьте сантиментальный

режимъ изъ вашего обихода, — это искусственное питаніе, какъ говорятъ каламбуристы. Затѣмъ, отсалютовавъ мосье Эмилю, постарайтесь не видѣться съ нимъ. Вы лишите себя удовольствія, но вы сами знаете, что каждая встрѣча дѣлаетъ васъ менѣе способной сопротивляться ему. Вашъ мужъ запрещаетъ вамъ видѣться съ мосье Эмилемъ. Вы не можете сказать: да. Но, тѣмъ не менѣе, вы предпочитаете видѣться съ нимъ внѣ дома? (Пышечка кивнула утвердительно головой). И когда мосье Эмиль приходитъ въ его отсутствіе, вы не всегда говорите объ этомъ мужу? (Новый кивокъ головой и легкая краска на щекахъ). Прекрасно. Вы никогда не видѣлись съ Эмилемъ у него дома?

— О, нѣтъ, нѣтъ! Никогда! Но онъ становится такъ настойчивъ...онъ угрожаетъ... и я не знаю, какъ я могу отказать.

— Оставьте его настаивать и угрожать. Скандала мосье Эмиль не сдѣлаетъ. Въ тотъ день, когда онъ увидитъ, что вы твердо рѣшили держаться съ нимъ лишь въ предѣлахъ общепринятой учтивости, онъ оставитъ васъ въ покоѣ и, быть можетъ,

совсѣмъ охладѣетъ.

— Ахъ, вы не знаете... Это такое нѣж-
ное сердце!

— Я знаю Эмиля лучше, чѣмъ вы, су-
дарыня, потому что я сужу о немъ хладно-
кровно. Конечно, вы будете страдать, вамъ
будетъ досадно и, можетъ быть, скучно.
Что-жъ дѣлать, мадамъ: не слѣдовало иг-
рать съ молодымъ человѣкомъ. Насколько
легко было оборвать первую его попытку
насмѣшкой или строгостью, настолько же
трудно это, если вы допустили до второй.
И вотъ черезъ полгода уже наростаетъ ма-
ленькая сердечная драма, которую нужно
разрѣшать. Немногія женщины могутъ пре-
дусмотрѣть эту ошибку. Онѣ скользятъ къ
ней, переходя отъ одной ничтожной уступки
къ другой, и имъ кажется, что онѣ дѣлаютъ
ихъ по принужденію. Особенно женщины
вашей среды, у которыхъ воля не воспи-
тана, не направлена, не укрѣплена съ дѣт-
ства, и вашъ случай—обычное явленіе для
большинства вашихъ современницъ. Васъ
не пріучили смотрѣть въ самое себя и про-
вѣрять иногда: посмотримъ, куда я иду?
У васъ есть желанія, но вы не умѣете хо-

тѣть. Я становлюсь нѣсколько суровъ съ вами, но тотчасъ же, какъ вы выйдете отъ меня, вы поймете, что я былъ правъ. Быть можетъ, напротивъ, вы хотите быть побѣжденной! Вы боитесь отпустить Эмиля? Вамъ нравится стоять передъ искушеніемъ и васъ завлекаетъ это сладкое волненіе. Не протестуйте, пожалуйста! Вамъ кажется, что вы начали жить по настоящему только теперь, когда началась ваша любовная исторія. И вашъ визитъ ко мнѣ—только красивый эпизодъ романа? Ну-же, побольше смѣлости! Не бойтесь искренности: она не повредитъ. Произведенія Мишле — „Любовь", „Птица", „Женщина", все это прекрасныя вещи, но это—литература. Замужество—это уже подлинная дѣйствительность, это—реальный договоръ. А договоръ нельзя и соблюдать и нарушать въ одно и то же время. Нѣкоторыя женщины пытаются объединить эти два положенія—напрасная попытка неизбѣжно приводящая къ разрыву контракта, добровольному или вынужденному—безразлично.

На основаніи всего сказаннаго я хотѣлъ бы, сударыня, чтобы вы рѣшились сказать

себѣ: „я не героиня добродѣтели. Я—женщина, которой хочется обманывать мужа“. Повторите себѣ это нѣсколько разъ. И если послѣ этого вы не рѣшитесь удалить Эмиля,—дѣлать нечего: пусть неизбѣжное свершится!

Нѣсколько разъ пышечка хотѣла остановить мою обвинительную рѣчь жестами и восклицаніями. Одинъ моментъ мнѣ показалось даже, что она поблѣднѣла и сейчасъ наговоритъ мнѣ рѣзкостей. Но при послѣднихъ моихъ словахъ кружевной платочекъ покатился на полъ, личико балованнаго ребенка перекосилось въ гримасу, совсѣмъ, какъ у обиженнаго ребенка.

И на этотъ разъ она искренно, по-дѣтски просто и мило залилась слезами.

Я уже проклиналъ свою несдержанность и эту импровизированную роль наставника, которую вздумалось мнѣ взять на себя.

Пышечка встала, отерла глаза, приняла муфту, которую я почтительно держалъ передъ нею, опустила вуаль и направилась къ двери.

Я, изрядно пристыженный, шелъ за нею. На порогѣ она обернулась и сказала:

— Я не могла вамъ сказать... только... только... если-бъ вы знали... какъ я его люблю!

Слезы брызнули сквозь фіолетовыя окошечки вуаля. Она пошла быстро-быстро, не оглядываясь. Мнѣ думается почему-то, Франсуаза, что я когда-нибудь еще увижу пышечку. Тогда я вамъ разскажу продолженіе ея исторіи.

II.

„Милостивый Государь.

Не знаю, помните ли вы еще меня: я была у васъ въ минувшемъ ноябрѣ за совѣтомъ по поводу одного интереснаго психологическаго эпизода. Вы приняли меня съ холодной снисходительностью, но все же приняли. Вы выслушали меня въ минуту, когда мнѣ нужно было облегчить свою душу. За это я вамъ очень признательна.

„Въ благодарность за ваше вниманіе я хотѣла бы передать въ ваше распоряженіе одну вещь: человѣческій документъ, грань одной жизни, изъ отраженій которой, мнѣ кажется вы можете извлечь для себя пользу.

„Я буду у васъ въ то же время, какъ и въ прежній разъ: ровно къ двумъ часамъ.

„Будьте милы на этотъ разъ и не ставьте меня такъ надолго въ уголъ.

А. Н“.

Кто писалъ это, Франсуаза? Вы не догадываетесь? А я началъ угадывать уже, когда вслѣдъ за „психологическимъ эпизодомъ“ встала „грань жизни“, а послѣ „человѣческаго документа“ я доподлинно зналъ уже, кто моя сегодняшняя кореспондентка. Избѣгайте Франсуаза, неосмотрительно употреблять эти слова: они ничего не говорятъ уже въ наши дни, потому что слишкомъ усердно служили глупцамъ и болтунамъ, которые не оцѣнили ихъ значенія.

Итакъ, въ этихъ пышныхъ и пустыхъ фразахъ я узналъ мою посѣтительницу, отмѣченную въ моей памяти этикеткой „пышечка“. Только на этотъ разъ—выражаясь ея стилемъ—ея психическое состояніе очень измѣнилось по сравненію съ минувшимъ ноябремъ.

Ахъ, дорогая Франсуаза, какъ много можетъ сказать тонъ женскаго письма! Именно тонъ, а не текстъ долженъ разбирать тотъ, кто хочетъ прочитать истинный его смыслъ. Въ текстѣ письма пышечки изла-

галась простая просьба о пріемѣ. Но тонъ! Въ немъ чувствуется теперь что-то задорное, вызывающее, дерзкое даже. „Изъ отраженій которой, мнѣ кажется, вы можете извлечь для себя пользу“, „не ставьте меня такъ надолго въ уголъ“.

Я чувствовалъ, что роли перемѣнились, и на этотъ разъ пришла моя очередь „стоять въ углу“: вотъ что особенно подстрекало мое любопытство.

Пышечка явилась аккуратно въ назначенный часъ. Я принялъ ее въ кабинетѣ, съ широко открытой дверью въ садъ, гдѣ уже цвѣла сирень. Пышечка осталась прежней пышечкой. Но отъ весенняго дня или отъ какой-нибудь скрытой радости она выглядѣла еще свѣжѣе и моложе. Большая соломенная шляпа, вся покрытая многоцвѣтными розами, на этотъ разъ безъ вуаля; костюмъ изъ легкаго сѣраго сукна, букетикъ искуственныхъ фіалокъ за поясомъ...

Она была сегодня побѣдоносно хороша, и я сказалъ ей это.

— Да,—сказала она, усаживаясь,—я прекрасно себя чувствую. Мои бѣдные нервы,

которые такъ мучили меня прошлый годъ, теперь успокоились. Я поладила сама съ собой. И теперь знаю, куда я иду. Я выбрала себѣ путь.

— Путь благоразумія, конечно?

Она лукаво улыбнулась.

— Путь благоразумія, конечно, но, можетъ быть, не вашего благоразумія. У васъ есть время выслушать меня, мосье?

— Столько, сколько вы пожелаете.

— Mersi. Ну, вотъ, слушайте. Послѣ визита въ ноябрѣ я ушла отъ васъ возмущенная. Вы, конечно, помните, что вы наговорили мнѣ жестокихъ вещей? Что я вся въ слезахъ спускалась съ вашей лѣстницы?.. Я долго безъ цѣли бродила по улицамъ, сама не зная, гдѣ... Потомъ зашла въ церковь; пыталась молиться и не могла вспомнить ни одного слова молитвы. „Я должна разстаться съ Эмилемъ. Я должна это сдѣлать, если я хочу остаться честной женщиной!“ Вотъ все, что было у меня тогда въ мысляхъ. Прежде чѣмъ пойти домой, я телеграфировала Эмилю, чтобы онъ пришелъ ко мнѣ завтра, когда мужъ будетъ въ конторѣ.

— Мосье Эмиль, конечно, пришелъ?

— Да, онъ пришелъ... Ахъ, какая это была сцена! Простите мою откровенность, но романисты не умѣютъ такъ писать. Правда, Эмиль и я не принадлежимъ къ заурряднымъ людямъ, которыхъ только и можетъ изображать современная литература... Когда я ему сказала: „Бѣдный мой другъ, мы должны разстаться; если вы дѣйствительно любите меня, не противьтесь моему рѣшенію". Какъ вы думаете, мосье, что онъ мнѣ отвѣтилъ?

— Да... вѣроятно, своей обычной угрозой: покончить съ собой или уѣхать въ колоніи.

— Ничего подобнаго! Мой тонъ былъ такъ глубокъ, такъ искрененъ, что Эмиль тотчасъ же понялъ, что мое рѣшеніе безповоротно. Онъ такой чуткій, такой умный! „Пусть будетъ такъ. Мы разстанемся",— сказалъ онъ. — Но вы не убьете себя? —Добровольно я этого не сдѣлаю, но меня убьетъ разлука съ вами. Вы это сами знаете. Чего еще вы потребуете? — Чтобы вы остались благоразумно въ Пари-

жѣ, а я проведу зиму въ Провансѣ, у своихъ родителей.—А когда вы вернетесь?..—Когда я вернусь, мы будемъ добрыми друзьями, не болѣе!..—Онъ закрылъ лицо руками; я поняла, что онъ хочетъ остановить рыданія. Наконецъ, онъ поднялъ голову и сказалъ: Вы хотите разбить мнѣ сердце. Я повинуюсь.—Что скажете вы о такой сценѣ, мосье? Не правда-ли, она была величественна?

По правдѣ сказать, Франсуаза, я не разобралъ величія въ этой сценѣ сеньора Эмиля съ пышечкой, но зато я узналъ въ ней тѣ приторно-сантиментальныя, приподнятыя эмоціи, самолюбованіе и ложноромантизмъ, которые характеризуютъ вымирающіе классы. Это, если можно такъ выразиться, вырождающіеся умы и сердца, потому что, если есть вырождающіеся элементы общества, то должны быть и вырождающіяся психологіи, такъ сказать, унаслѣдованныя классомъ особенности воспріятій и мышленія, способствующія, въ свою очередь, вырожденію класса. Правомъ рожденія освобожденные отъ труда, они устрем-

ляются въ царство возвышенныхъ и величавыхъ чувствъ, но и тамъ они порхаютъ неповоротливо и тяжело, какъ летучія мыши въ солнечный день! Они неудачники даже въ своей сферѣ—въ страсти, въ искусствѣ; это тѣ нищіе духомъ, которыхъ обезсмертилъ талантъ Додэ.

Я не могъ взять на свою совѣсть грѣха подтвердить передъ моей гостьей, что описанная ею сцена величественна. Но ей этого и не нужно было: все еще подъ обаяніемъ этой титанической своей и Эмиля борьбы съ любовью, она истолковала мое молчаніе, какъ доказательство удивленія и восторга.

Она возвратилась къ разсказу.

— Событія пошли такъ, какъ было условлено. Я уѣхала въ Антебъ, гдѣ живутъ мой отецъ и мать. Мужъ не возражалъ, такъ какъ я ему сказала, что ѣду въ Антебъ для поправленія здоровья. Эмиль остался въ Парижѣ. Я отказалась даже переписываться съ нимъ.

— Это очень хорошо!

— Но я не могла помѣшать ему писать мнѣ...

— Ахъ, это очень неблагоразумно!

— Нѣтъ, мосье, я поставила ему условіемъ, чтобы въ письмахъ не упоминалось ни словомъ о любви, чтобы въ нихъ не было ни одного нѣжнаго слова. Даже больше, чтобы эти письма были строго безличны: лишь размышленія и комментаріи къ книгѣ, которую онъ далъ мнѣ передъ отъѣздомъ, для того чтобы я прочла ее въ три мѣсяца моего уединенія.

— И эта книга была?..

— Эмиль принесъ ее запечатанною въ большомъ конвертѣ и взялъ съ меня слово не открывать ее до пріѣзда въ Антебъ. Я сдержала слово. Помню, какъ я была изумлена, когда прочитала заглавіе книги, маленькаго томика въ желтой обложкѣ, какъ издаются романы: „Избранныя страницы Ницше“. Почему вы смѣетесь, мосье?

— Я совсѣмъ не смѣюсь, сударыня!

На самомъ же дѣлѣ мнѣ очень хотѣлось смѣяться, Франсуаза, и я не знаю, какъ только я сдержался.

Для ансамбля съ „человѣческимъ документомъ“, „гранями жизни“ и „сценой, полной величія“, не доставало именно этого

выхода Ницше: онъ былъ такъ комически-послѣдователенъ, такъ выразителенъ для любовнаго приключенія этой парочки—буржуазной пулярки и молодого жуира, что нужно имѣть большое самообладаніе, чтобы сохранить серьезность.

Бѣдный великій учитель изъ Саксоніи! Вмѣстѣ со своимъ собратомъ Шопенгауэромъ онъ долженъ былъ раздѣлить странную привилегію быть философомъ для сноповъ и мессіей для людей полукультуры!

Сверхчеловѣкъ! Доктрина двухъ моралей!..

Великосвѣтская болтушка и эмансипированный биржевой король, актриса, бездарная студентка, странствующая изъ „синихъ" и столичный пшютъ,—кто-кто не угощаетъ теперь васъ этими старыми истинами, какъ пирожнымъ со взбитыми сливками!

Замѣтьте, что мысль Ницше,—яркая, но сложная,—и стиль — блестящій, чарующе прихотливый, но запутанный,—трудны для усвоенія; что для того, чтобы понять и усвоить его, нуженъ такой уровень развитія, какимъ не обладаетъ и къ какому даже не способна добрая половина его почитателей...

Пусть! Что за дѣло! Свѣтскіе львицы и

пшюты, синіе чулки и короли биржи сыплютъ искрами этого вакхически-роскошнаго ума, цитируютъ „Заратустру“, „Путника“ и его тѣнь. Какъ разгадать эту загадку?

Въ этомъ научномъ маскарадѣ, въ этомъ философскомъ карнавалѣ снобовъ и глупцовъ заключается, быть можетъ, одна изъ самыхъ характерныхъ и интересныхъ чертъ нашей эпохи для будущаго историка.

Пока я такъ размышлялъ, пышечка продолжала свой разсказъ. Она увѣряла, что уѣхала въ Антебъ съ разбитымъ сердцемъ и только съ избранными страницами Ницше вмѣсто всякаго дорожнаго багажа.

Она призналась, что Ницше такъ и остался бы непостижимымъ для нея, если бы не ежедневныя письма Эмиля, которыя, какъ лучи солнца, освѣщали ей темныя страницы... Проказникъ Эмиль!

Далѣе для меня, безъ вѣдома пышечки, выяснилось, что маленькаго томика въ желтой обложкѣ она или не читала совсѣмъ, или прочла очень поверхностно; зато изъ писемъ Эмиля она знала наизусть цѣлыя главы.

Эти лучезарныя письма оказались и сей-

часъ съ нею: она извлекла ихъ изъ шелковаго мѣшечка, и я долженъ былъ выдержать нѣсколько отрывковъ... Убогая литература, довольно развязная въ обращеніи съ „Заратустрой“. Клочки моральной доктрины, надерганные Эмилемъ изъ Ницше, были, впрочемъ, весьма хитроумно использованы имъ для намѣченной цѣли. „Избранникъ долженъ быть владыкой жизни“; онъ не можетъ, „не смѣетъ даже“ склоняться передъ рабской моралью людей, потому что онъ—сверхчеловѣкъ. Обыкновеннымъ людямъ Эмиль предоставлялъ мораль рабовъ: самоотреченіе для блага другихъ, подчиненіе эгоистическихъ стремленій изъ страха сдѣлать зло ближнему, подвигъ. Ничего этого не нужно владыкамъ: имъ нужно только утвердить, не считаясь съ моралью слабыхъ, свое господство надъ людьми и міромъ и заставить ихъ служить своимъ интересамъ и своему наслажденію. Далѣе изъ фрагментовъ Эмиля я узналъ, что милая чета принадлежитъ къ породѣ владыкъ, такъ какъ Эмиль одаренъ рѣдкими свойствами сверхчеловѣка, а его дама такими же сверхженщины. Поэтому, оставивъ рабамъ ихъ жалкіе пред-

разсудки, они должны пойти по ту сторону добра и зла. Пышечка должна склониться на желаніе Эмиля; Эмиль—презрѣть сужденія рабовъ и овладѣть пышечкой. Вотъ и все!

И тогда жизнь ихъ сольется въ аккордѣ красивой и сильной любви, доступной лишь рожденнымъ властвовать. Письмо заканчивалось изложеніемъ — программой такой сверхжизни для сверхсуществъ и эффектнымъ резюмэ—афоризмомъ Эмиля: „Жизнь нужно выжимать, какъ лимонъ!“

— Что скажете вы объ этой формулѣ, мосье?—спросила меня сверхженщина, задыхаясь отъ восторга.

— Скажу, что она... принадлежитъ мыслителю, привыкшему проводить свои досуги въ кафэ.

— О, мосье, вы обращаете это въ шутку!

Моя кліентка разсердилась и хотѣла было уйти.

Но тотчасъ же раздумала.

— Чего же я могу требовать отъ васъ?— сказала она съ оттѣнкомъ презрѣнія въ голосѣ, — вы — человѣкъ другого поколѣнія, вамъ трудно понять насъ. Эти современ-

ныя доктрины опрокидываютъ все, что Эмиль называетъ вашими привычными моральными понятіями. Вѣдь моральные законы это — ничто иное, какъ навыки; врожденные навыки... Я разсуждала прежде такъ же, какъ вы. Я сгибалась подъ традиціей морали, какъ рабъ подъ жерновомъ... Первыя письма Эмиля на эту тему не убѣдили меня. Только возмутили... они возмутили меня болѣе даже, чѣмъ нѣжныя слова, которыя онъ расточалъ передо мной въ Парижѣ. Потомъ, однажды... это было въ субботу... я хорошо помню... въ субботу, три часа спустя послѣ обѣда... Былъ чудный весенній вечеръ, воздухъ ароматный, ароматный... Вдали бѣлые паруса лодокъ на голубой водѣ... Счастье вдругъ какъ бы залило меня всю... Счастье, спокойствіе, безпечность. Да, думала я: Эмиль правъ. Все это для насъ: и небо, и море, и природа, и прекрасное солнце, и этотъ дивный, благоухающій воздухъ. Мы безумцы, если не хотимъ наслаждаться всѣмъ этимъ. И онъ — Эмиль — для меня, и я для него. Почему же счастье, которое мы могли бы дать другъ другу, не должно быть такъ же доступно

для насъ, какъ счастье наслаждаться яснымъ небомъ и плескомъ волнъ?.. Ахъ, будемъ же жить, будемъ жить! Эмиль былъ правъ. Будемъ выжимать жизнь, какъ эти золотистые плоды, свѣсившіеся съ деревьевъ въ саду нашей виллы!

...Я очень подозрѣваю, дорогая крестница, что пышечка продекламировала мнѣ отрывокъ изъ ея собственнаго письма, которымъ она извѣщала гражданина Эмиля о своемъ обращеніи въ ницшеанство. Ужъ слишкомъ много паѳоса для разговорной рѣчи!

Такіе монологи теперь уже и со сцены кажутся ненатуральными; какъ же странно должны поражать они слухъ въ обыденной жизни!

Прежняя безотчетная симпатія къ пышечкѣ, которую я почувствовалъ къ ней въ прошлый ея визитъ, послѣ этого монолога какъ-то вдругъ испарилась. Слишкомъ ужъ этотъ крошечный мозгъ и убогая душа были отравлены псевдо-литературой, quasi-философіей, лживыми эмоціями.

Я сухо спросилъ:

— И тогда, мадамъ, событія завершились къ обоюдному удовольствію? Получилась че-

та высшаго порядка или „сверхчета“, если можно такъ выразиться?

— Нѣтъ, мосье, — достойнымъ образомъ отвѣтила мнѣ дама. — Я вернулась въ Парижъ всего два дня тому назадъ.

Мы помолчали.

— Два дня уже, какъ я вернулась, — повторила она, — но я не видѣлась еще съ Эмилемъ. Я хотѣла провѣрить, не измѣнится ли мое рѣшеніе, когда я увижу свой домъ и мужа. Я чувствую, что мое рѣшеніе непоколебимо. И теперь я иду навстрѣчу будущему сознательно и твердо.

— Но тогда, сударыня, — возразилъ я, — я не совсѣмъ понимаю, чему я обязанъ честью вашего второго визита?

Она улыбнулась.

— Мнѣ казалось, что моя эволюція будетъ интересна для васъ... и, можетъ быть, вы используете нашу исторію для психологическаго романа. А потомъ... мнѣ захотѣлось подѣлиться тѣмъ, что наполняетъ теперь мое сердце. И такъ какъ начало своего приключенія я не довѣрила никому, кромѣ васъ, то вамъ же я рѣшила повѣдать и конецъ.

Этотъ послѣдній доводъ мнѣ показался наиболѣе вѣрнымъ.

Затѣмъ, съ легкой ироніей, пышечка спросила:

— Вы меня осуждаете?

— Клянусь, что нѣтъ, сударыня. Если вы хотите, я не буду говорить о васъ лично. Ваше рѣшеніе непоколебимо, какъ вы сами сказали; слѣдовательно, всякія нравоученія будутъ по меньшей мѣрѣ излишни. Я хотѣлъ бы только высказать вамъ, въ двухъ словахъ, мое мнѣніе о философіи Ницше или, вѣрнѣе, о томъ примѣненіи и толкованіи, которое вамъ хочется ей дать.

Съ тѣхъ поръ, какъ люди стали жить обществами, и насколько исторія сохранила для насъ ихъ мысли и дѣла, мы видимъ, что двѣ противоположныя доктрины направляли духовную жизнь человѣчества. Доктрины эти, взаимно уничтожающія одна другую, непримиримо враждебныя, оспаривали господство надъ духовнымъ міромъ человѣка, каждая обѣщая привести къ блаженству совершенно противоположными путями. „Наслаждайся жизнью, властно пользуйся ея благами, освободи себя и будь

самъ своимъ закономъ, предпочитай свое личное счастье счастью другого.“ Назовите это ученіе эпикуреизмомъ, паганизмомъ, гетизмомъ, моралью владыкъ, — названіе не мѣняетъ сущности; безъ дальнихъ околичностей, мы называемъ теперь это ученіе эгоистическимъ индивидуализмомъ.

Другая доктрина учитъ: „Переноси твердо лишенія; воздерживайся отъ удовольствій; забудь о себѣ; служи счастью ближняго. Не собирай сокровищъ на землѣ, не гонись за утѣхами міра,—ибо все суета и томленіе духа. Собирай сокровища души: однѣ только онѣ стоятъ твоихъ усилій“. Это—стоицизмъ, въ этомъ—большинство религій, въ этомъ ваша „мораль рабовъ“, а короче, это—послѣдовательный альтруизмъ.

Это, сударыня, такъ сказать, два полюса философіи счастья. Прибавлю, что подобно географическимъ полюсамъ, они мало обитаемы. Только исключительныя натуры могутъ удобно жить или абсолютнымъ эгоизмомъ или аскетизмомъ. Золотая человѣческая середина предпочитаетъ селиться въ болѣе умѣренныхъ моральныхъ зонахъ.

Отсюда, изъ этихъ умѣренныхъ областей,

изъ царства интеллектуальной середины вышли наши законы, обычаи, договоры, которые управляютъ нами, опираясь лишь на свою давность.

Соціальные законы, утверждающіе и охраняющіе бракъ, законы объ охранѣ общественной безопасности, запрещающіе насилія и вытекающіе изъ страха подвергнуться насилію, требованія приличія, учтивости, послушанія,—все это составляетъ лишь компромиссъ между „мое“ и „твое“, договоръ, ограничивающій наши эгоистическія возможности, но и защищающій насъ отъ подобныхъ же возможностей ближняго. Конечно, большинство пунктовъ этого договора совершенно не выдерживаетъ критики здраваго разсудка; но спрошу я васъ, кто изъ васъ рѣшится послѣдовать выводамъ здраваго смысла даже въ такихъ ничтожныхъ обычаяхъ, какъ фасонъ платья, прическа, сервировка стола, словомъ, въ самыхъ обыденныхъ вещахъ? Вы первая не согласитесь, не правда ли? Сила нашихъ установленій—въ ихъ древности, въ привычности, въ ихъ давнишней налаженности, съ чѣмъ такъ боится разстаться людская середина.

Слѣдовательно, самый важный вопросъ, который встаетъ передъ вами, какъ и передъ каждымъ изъ насъ, таковъ: выше ли вы этой человѣческой середины? Сможете ли вы переселиться ближе къ полюсамъ или вы рождены только для умѣреннаго климата? Родились ли вы Екатериной Второй, Елизаветой Англійской, Фриной, Сафо, Шарлоттой Кордэ, Жоржъ-Зандъ?

Совершенно согласенъ съ вами, что многія и многія существа чувствуютъ себя несчастными въ рамкахъ даже самыхъ свободныхъ соціальныхъ законовъ. Но если вы не возвышаетесь надъ посредственностью, если вы, какъ большинство изъ насъ, надѣлены лишь среднимъ умомъ, среднимъ характеромъ, если вы—женщина изъ дюжины, о, всѣми силами цѣпляйтесь тогда за эти, провѣренныя опытомъ, моральныя линейки и за современные соціальные законы, установленные средними людьми, для того, чтобы держать и защищать только тѣхъ же среднихъ людей.

Вашъ молодой и коварный другъ, мосье Эмиль, изложилъ вамъ права сверхмужчины и сверхженщины; я ничего не могу

имѣть противъ этого, поскольку эта матерія можетъ еше служить для изложенія. Но доказалъ ли онъ вамъ, что онъ—сверхчеловѣкъ? Убѣдилъ ли васъ, что вы можете быть сверхженщиной? А въ этомъ-то все и дѣло. Я встрѣчалъ на своемъ вѣку много людей, стремящихся дотянуться до идеала сверхмужчины и сверхженщины, но я думаю, что сверхчеловѣка я еще не встрѣтилъ.

Зато я часто имѣлъ дѣло съ людьми, которые, считая себя выше средняго уровня ихъ общества, пытались послѣдовать—не ученію Ницше, нѣтъ, а программѣ-минимумъ мосье Эмиля—выжимать жизнь, какъ лимонъ, не считаясь съ моралью рабовъ. Но какъ существа середины, эти неумные экспериментаторы не имѣли мужества порвать съ нею и поэтому или возвращались къ старой морали, или приходили неминуемо къ катастрофѣ; я разумѣю катастрофу для нихъ самихъ, съ точки зрѣнія ихъ личнагѳ эгоизма. Глубокій психологъ, старикъ Лафонтэнъ, изобразилъ намъ подобное злоключеніе въ баснѣ о лягушкѣ, задумавшей сравняться въ дород-

сгвѣ съ воломъ. Эта лягушка имѣла неосторожность вообразить себя „сверхлягушкой“, тогда какъ она была просто лягушка...

Едва я произнесъ послѣднія слова, моя собесѣдница вскочила, какъ ужаленная. Ея кроткіе голубые глазки сверкали, какъ искры электрическаго тока. Руками она сжала ручку своего зонтика, и я видѣлъ, какъ пухленькія губки конвульсивно вздрагивали, не будучи въ состояніи произнести ни звука.

— Она броситъ въ меня зонтикомъ,— мелькнуло у меня въ головѣ.—Или только выбранитъ? И какъ?—Она выбрала послѣднее. Когда я поднялся въ свою очередь, я получилъ прямо въ упоръ,—не зонтикъ, нѣтъ!—а только два слова:

— Классный надзиратель!

Поворотъ, порывистый и быстрый; короткая борьба дрожащей руки съ упрямой ручкой двери; быстрый, но полный достоинства, выходъ изъ гостиной, потомъ изъ вестибюля черезъ дверь, на этотъ разъ открытую мною самимъ съ галантностью (сколько ея у меня нашлось); еще усиліе

милыхъ голубыхъ глазъ бросить мнѣ убивающій на мѣстѣ взглядъ... И пока я терялся въ догадкахъ, почему она выбрала такого рода месть—присоединить меня къ почтенной корпораціи педагоговъ, пышечка убѣжала навстрѣчу своему будущему.

Увижу ли я ее когда-нибудь?

III.

Вѣрите ли вы въ медицину, Франсуаза? Ровно настолько, сколько она заслуживаетъ, не правда ли? Другими словами, безъ фанфаронады скептицизма, но и безъ суевѣрія многихъ нашихъ „интеллектуально-независимыхъ" современниковъ, тайкомъ идущихъ за спасеніемъ къ авгурамъ вѣка.

Что касается меня, то если бы вы задали мнѣ тотъ же вопросъ, я сказалъ бы, что я больше вѣрю во врача, а не во врачебную науку, въ артиста, а не въ искусство.

Въ исторіи вѣковъ ни одна наука не пережила столько измѣненій, какъ терапія. Надъ вчерашними способами лѣченія мы смѣемся или возмущаемся сегодня, и тѣмъ не менѣе въ каждую эпоху были хорошіе врачи. Вѣдь было время (и не такъ давно!),

когда больному сердечной астмой вводили пѣну изъ дыхательныхъ путей повѣшеннаго! И излѣчивали, и вѣрили въ могущество способа!.. Я признаю вліяніе личности врача на излѣченіе больного, особенно того врача, который свое личное вліяніе ставитъ выше чудесъ терапіи.

Среди близкихъ друзей у меня имѣется одинъ врачъ этой свободной школы. Въ его предписаніяхъ почти отсутствуютъ медикаменты. Онъ очень долго бесѣдуетъ со своими кліентами, какимъ-то особымъ—сократовскимъ—путемъ наведенія прививая въ мозгу паціента тѣ идеи, которыя въ данномъ случаѣ онъ находитъ наиболѣе выгодными для лѣченія. Его методъ лѣченія называютъ теперь внушеніемъ, но называютъ ошибочно. Самъ онъ называетъ свой методъ „самолѣченіемъ" и примѣняетъ его съ успѣхомъ, особенно у женщинъ.

Разъ въ недѣлю мы съ докторомъ X. обѣдаемъ tête-à-tête. Онъ мнѣ разсказываетъ свои „интересные случаи"; я представляю на его оцѣнку правдоподобіе того или другого авторскаго вымысла: романистъ нашего времени не можетъ уйти

изъ-подъ контроля науки. Въ такихъ бесѣдахъ намъ неизбѣжно приходится затронуть такъ-называемыя проблемы психологіи.

Какъ-то вечеромъ, закуривая сигару высокой марки, которая долго не закуривалась, докторъ X. сказалъ мнѣ:

— Не хочешь ли ты раздѣлить со мной практику? У меня есть одна кліентка, для которой мнѣ пригодилось бы твое сотрудничество.

— Опять кліентка? Нѣтъ ужъ, уволь!— вскричалъ я, отодвигаясь отъ него вмѣстѣ со стуломъ.—А особенно, если ты принесъ для прочтенія манускриптъ какой-нибудь психопатки. Я могу тебѣ разсказать заранѣе: жизнь скучна, люди отвратительны, потому что не хотятъ опубликовать ея манускриптъ. Очень благодаренъ. У меня у самого довольно такихъ кліентокъ, хотя я и не врачъ.

— Совсѣмъ не то. Моя кліентка ничего не пишетъ. И не психопатка. Совершенно нормальная женшина. Она перенесла тяжелое душевное потрясеніе. Ты ее знаешь.

— Я?

— Да, ты знакомъ съ нею. Я говорю съ тобой по ея порученію. Сначала я хотѣлъ было отказаться, но...

— Кто она?

— Мадамъ Нуантель. Алина Нуантель.

— Твоя кліентка тебя обманула. Я не знаю никакой мадамъ Нуантель.

— Ты ея не знаешь по имени. Но ты ее видѣлъ. Она была у тебя два раза; въ послѣдній разъ весной. Ну, припоминаешь, наконецъ?

— Ахъ, помню! Пышечка?

— Пышечка?—докторъ отрицательно покачалъ головой.—Быть можетъ, была когда-нибудь пышечкой, а теперь совсѣмъ нѣтъ.

— Чѣмъ же она больна?

— Обычная у женщинъ исторія: жалуется на боли въ желудкѣ, безсонницу, нервозность, даже на ревматизмъ: общее разстройство чувствительности; острый періодъ уже миновалъ.

— И ты залѣчиваешь ея сердечныя раны?

— Я ее лечу, какъ говорилъ нашъ великій предшественникъ Амбруазъ Парэ,—

а Богъ ее спасетъ. Я употребляю только, если можно такъ выразиться, отвлекающія психическія средства, сообразуясь съ ея индивидуальностью. Но хочу попробовать еще одинъ методъ. Это тотъ же самый принципъ лѣченія прививками, который принятъ у терапевтовъ, только мой методъ, въ зависимости отъ сферы примѣненія, отличается, конечно, отъ общихъ методовъ. Въ данномъ случаѣ я хочу вызвать острый пароксизмъ добродѣтели, одинъ изъ тѣхъ приступовъ, которые приводили прабабокъ мадамъ Алины въ монастыри; къ посту и покаянію. Такъ ты поможешь мнѣ? Она съ удовольствіемъ вспоминаетъ свои два визита къ тебѣ, хотя ты, какъ она увѣряетъ, послѣ каждаго выталкивалъ ее въ шею. Она мнѣ сказала, что ты былъ единственнымъ повѣреннымъ лицомъ ея семейной драмы. Я надѣюсь, что твой визитъ будетъ превосходнымъ отвлекающимъ средствомъ.

— Ну, что же! Пусть придетъ; я съ удовольствіемъ приму ее.

— О, теперь она не можетъ придти сама. Она можетъ только перейти отъ кровати до своего кресла, и то съ тру-

домъ. Нужно, чтобы ты самъ пришелъ къ ней.

— А мужъ?

— Я предупредилъ его, что, можетъ быть, приведу одного изъ моихъ коллегъ на консиліумъ. Ты и будешь коллега. А этотъ бѣдный мужъ, — который, кстати сказать, безумно влюбленъ въ свою жену и весьма простоватъ, — готовъ понести какіе угодно убытки, лишь бы она выздоровѣла. Ну, что же, рѣшаешься? Ну, если и поскучаешь, зато сдѣлаешь доброе дѣло и интересное наблюденіе.

— Идетъ. Только я не могу даже представить, на что я тамъ нуженъ.

— Ты будешь для меня реактивомъ. Роль приличная и легкая. Не забудь только, что ты ее знаешь безукоризненной.

— Что же такое случилось съ бѣдной барынькой?

— Правда, вѣдь ты знаешь только первые два акта. А третій...

Онъ, наконецъ, бросилъ свою несгораемую сигару и взялъ изъ ящика другую, которая исправно закурилась.

— А вотъ третій актъ. Слушай.

Этотъ третій актъ я вамъ не буду разсказывать сцена за сценой, дорогая Франсуаза; онъ не вмѣстился бы въ моемъ письмѣ. Для васъ достаточно знать, что сеньоръ Эмиль, какъ и можно было предвидѣть, достигъ желанной цѣли. Составленная, такимъ образомъ, „сверхчета" всю весну и часть лѣта провела по программѣ Эмиля, усердно выполняя предписаніе культа Заратустры.

Однажды вечеромъ—это было въ началѣ іюля—мадамъ Алина обѣдала вдвоемъ со своимъ мужемъ; конечно, безъ малѣйшихъ угрызеній совѣсти, какъ и подобаетъ сверхженщинѣ. Наивный супругъ спросилъ: „знаешь новость? Эмиль помолвленъ. Я слышалъ отъ него самого". Алина нисколько не встревожилась: напротивъ, посмѣялась. Ея довѣріе къ Эмилю было такъ безгранично, что она приняла эту новость за хитрую выдумку его, чтобы отвести подозрѣнія мосье Нуантеля. Она рѣшила при первой же встрѣчѣ съ плутишкой посмѣяться надъ его выдумкой. Но отвѣтъ Эмиля сразилъ пышечку: „Это совсѣмъ не выдумка; я помолвленъ и въ сен-

тябрѣ моя свадьба". Въ тотъ же день пышечка заболѣла жестокимъ нервнымъ припадкомъ. Она плакала, проклинала, угрожала. Эмиль выдержалъ все это съ невозмутимымъ спокойствіемъ: онъ оказался болѣе стойкимъ въ морали сильныхъ, чѣмъ его единомышленница. „Чѣмъ собственно это мѣняетъ дѣло? — убѣждалъ правовѣрный ницшеанецъ.—Вы обманывали вашего мужа со мной, — почему бы я не сталъ обманывать мою жену съ вами?" Пышечка сказала: „Я не хочу раздѣла" и гордо удалилась. Въ тотъ же вечеръ она получила голубую записку отъ Эмиля· „Вы правы. Это будетъ очень элегантно, если мы, съ обоюднаго согласія, закроемъ очаровательную книгу, которую вмѣстѣ открыли и читали. Прощайте". Тогда только пышечка поняла, что все кончено, и тогда же она поняла, что она согласилась бы „на раздѣлъ Эмиля", согласилась бы на что угодно, только не на разрывъ съ нимъ. Но здѣсь разрывъ предлагалъ самъ Эмиль!.. Она заболѣла.

— Для мужа это называется,—предупредилъ меня X, — кишечные спазмы, тѣмъ

болѣе что симптомъ этотъ иногда наблюдается въ ея болѣзни. По старымъ авторамъ это—общее разстройство „чувствилища". Казуисты правы, говоря, что женщина—вся въ сердцѣ. Они только выражаются менѣе деликатно.

— Лучше ли ей теперь? - спросилъ я.

— Лучше въ томъ смыслѣ, что она больше питается и лучше спитъ. Но кризисъ еще не разрѣшился. Моя кліентка — наша кліентка—теперь очень озлоблена. Она все еще крѣпко держится за псевдо-ницшеанскій вздоръ, который Эмиль вбилъ ей въ голову. Ее угнетаетъ совсѣмъ не сознаніе своей ошибки или вины, но сознаніе, что она побѣждена, съ чѣмъ она никогда не примирится, какъ она увѣряетъ. Она изобрѣтаетъ одинъ планъ мести за другимъ, но въ ея настоящемъ положеніи довольствуется пока разсылкой анонимныхъ писемъ .Да, представь! Она написала семьѣ невѣсты нѣсколько писемъ, порочащихъ Эмиля. Ей хочется скорѣе стать на ноги, чтобы сдѣлать скандалъ въ домѣ невѣсты. Она говоритъ также о самоубійствѣ и, насколько я ее знаю, она можетъ рѣшиться на это

скорѣе даже, чѣмъ на скандалъ... Я довольно скученъ для нея и надоѣдливъ, и мое вліяніе на нее начинаетъ ослабѣвать. Твое же, какъ болѣе цѣльное, оказалось бы весьма благотворнымъ.

Итакъ, дорогая Франсуаза, я снова увидѣлъ пышечку, теперь уже въ ея домѣ. Я отправился послѣ полудня и подъ проливнымъ дождемъ достигъ до квартала Монсо. Пышечка живетъ въ четвертомъ изъ той полсотни богатыхъ и безвкусныхъ домовъ, которыми застроенъ кварталъ.

Смѣтливая горничная тотчасъ же впустила меня, какъ только я произнесъ пароль для пропуска: „товарищъ доктора X.“ Самъ докторъ X., съ которымъ мы условились встрѣтиться у нашей больной, счелъ за лучшее оставить насъ tête-à-tête съ моей духовной дочерью и поэтому не явился.

Пышечка приняла меня въ своемъ будуарѣ буржуазки, подражающей большому свѣту. Стулъ — имитація подъ Людовика шестнадцатаго, посредственныя бездѣлушки, копіи съ англійскихъ гравюръ, фотографіи въ рамкахъ по три франка за пару.

Сама хозяйка полулежала на софѣ; въ будуарѣ были спущены маркизы, и я не сразу различилъ ее въ полумракѣ.

Мы обмѣнивались привѣтствіями. Усѣвшись противъ нея и освоившись съ темнотой, я увидѣлъ, какія опустошенія произвело горе во всей фигуркѣ пышечки. Какъ и сказалъ докторъ X., пышечка теперь уже была совсѣмъ не пышечка. Ее теперь нельзя было назвать даже хорошенькой: вся прежняя прелесть ея состояла въ свѣжести, въ этой пухлости, придававшей ей сходство съ здоровымъ веселенькимъ ребенкомъ. Теперь она исхудала и поблекла. Но зато вмѣстѣ съ ея немного вульгарной красотой исчезло и прежнее выраженіе банальности въ лицѣ. Глаза, глубоко запавшіе въ орбиты и лихорадочно блестѣвшіе изъ-подъ темныхъ вѣкъ, казались большими и получили выраженіе мысли и интенсивной душевной работы.

Но вы, конечно, понимаете, Франсуаза, что пышечка не могла измѣниться душой, хотя она и испытала измѣну друга. Сходство съ ребенкомъ, утратившееся въ лицѣ, тотчасъ же заявило о себѣ, едва лишь она

произнесла первыя фразы. Догадайтесь, по какимъ причинамъ (неизвѣстнымъ доктору) она пожелала меня видѣть?

Первая причина: взять съ меня слово, что я не буду помнить зла за „класснаго надзирателя“. Вторая причина: упросить меня, чтобы я немедленно написалъ сенсаціонный романъ, романъ съ „гвоздемъ“, въ которомъ бы очень прозрачно и въ достойной окраскѣ было изображено поведеніе сеньора Эмиля.

Признаюсь, я не ожидалъ столько вздорности и мелочности, даже зная пышечку по тѣмъ двумъ ея визитамъ, послѣ которыхъ, по ея выраженію, я „вытолкалъ ее въ шею“. Мое участіе къ ея горю сразу же убавилось на половину.

Она, не замѣчая впечатлѣнія, продолжала упрашивать, увѣряя меня, что этотъ романъ сочинять не придется, а только записывать съ ея словъ, что это будетъ такое произведеніе, которое по интересу и оригинальности превзойдетъ все, что когда-либо появлялось въ литературѣ.

— Сударыня,—началъ я, когда она остановилась немного, — сударыня, я не буду

писать этого романа. И совсѣмъ не потому, конечно, чтобы хотѣлъ отмстить вамъ за „класснаго надзирателя“. Обстоятельства направили меня по другому жизненному пути, но я всегда уважалъ дѣятельность педагога и чувствовалъ къ ней влеченіе. Я не напишу этого потому, что, вопреки вашему мнѣнію, онъ не представляетъ никакого исключительнаго интереса. Интересъ его, — лично для меня, напримѣръ, — заключается именно въ его обыденности, тривіальности. Женщина изъ буржуазной среды, не дурная и не испорченная, но не получившая воспитанія воли, выходитъ замужъ по расчету, принимая свое соотвѣтствіе съ женихомъ по состоянію и положенію въ свѣтѣ за счастье въ бракѣ. Не найдя счастья въ любви, она хочетъ восполнить этотъ пробѣлъ домашнимъ способомъ, какъ дѣлаютъ хозяйственныя заготовленія. Маленькій жуиръ — модернъ, еще болѣе плутоватый и легковѣсный, чѣмъ она, всегда найдется въ „хорошо поставленномъ“ домѣ. Она имѣла глупость уступить ему, потомъ вообразить, что эта пошлая интрижка уподобляетъ ее великимъ

героинямъ исторіи. Маленькій плутишка достаточно позабавился и покидаетъ ее. Покинутая страдаетъ и замышляетъ месть. Видите теперь, мадамъ, какъ все это банально, какъ повседневно. Дюжинный романъ, какіе случаются на каждомъ шагу въ вашемъ обществѣ. Все, что можно изъ него сдѣлать, это —простую повѣсть, безъ всякаго освѣщенія. Только это будетъ нравоучительная повѣсть, потому что она подтверждаетъ нѣкоторыя истины.

Прежде всего, что современной женщинѣ буржуазной среды трудно сдѣлаться сильной и свободной личностью, потому что въ условіяхъ воспитанія и среды воля ея вырождается. Освобождая женщину отъ семейной зависимости, нужно дать ей условія, которыя требовали бы отъ нея труда и самостоятельности и воспитывали бы въ ней сильную и сознательную личность. Въ настоящихъ же условіяхъ обезпеченности и праздности ей нечего дѣлать со своей свободой, какъ освобожденнымъ американскимъ невольникамъ, у которыхъ не было другого выбора, какъ или впасть въ нищету и въ преступ-

леніе, или добровольно вернуться въ рабство.

Затѣмъ, существо со средней волей, рожденное для жизни въ умѣренныхъ областяхъ ея, не должно искать счастья въ тѣхъ высотахъ, въ которыхъ оно не можетъ держаться. Я вамъ уже говорилъ это, но вы не хотѣли слушать. Общественная мораль, въ конечномъ итогѣ, ничто иное, какъ гигіена, основанная на опытѣ. Сильныя натуры могутъ безнаказанно пренебрегать правилами гигіены, но сильныя натуры встрѣчаются, какъ исключеніе.

Я знаю, что вы причисляете себѣ къ исключительнымъ темпераментамъ. Скажу вамъ отъ души: нѣтъ, сударыня! Раньше я могъ еще сомнѣваться, но ваше настоящее состояніе мнѣ доказываетъ, что вы совсѣмъ не „свободная женщина", вы даже не „вольноотпущенная" Ева нашихъ дней, вы самая подлинная древняя Ева, сотворенная для мужа. Вы защищаете свободную любовь до того момента, пока не потребуетъ отъ васъ такой же свободы для себя мужчина. Вы хотите сбросить оковы брачнаго союза, которыя васъ тяготятъ, но сбро-

сить такъ, чтобы онѣ остались на вашемъ союзникѣ. Химера, мадамъ! То, что выигрываетъ женщина въ независимости, она теряетъ въ покровительствѣ, въ опекѣ и беззаботности, и это совершенно справедливо Затѣмъ, если вы вводите въ вашу любовь свободные нравы мужчины, если и для васъ, какъ и для большинства изъ нихъ, любовь—только аппетитъ, то научитесь ихъ беззаботности въ сферѣ чувства. Одно кончилось—начнется другое, не все ли равно! Такъ разсуждаетъ огромное ихъ большинство. Я не говорю—всѣ; есть мужчины, которые плачутъ, когда ихъ бросаютъ, которые пишутъ анонимныя письма, обливаютъ сѣрной кислотой или стрѣляются. Но о нихъ такъ и говорятъ, что они распускаются, какъ женщины. Вашъ Эмиль имѣетъ больше хладнокровія... Ахъ, если-бъ онъ зналъ, до какого безпросвѣтнаго рабства онъ васъ довелъ, какъ онъ сдѣлался необходимъ для васъ, онъ могъ бы по праву гордиться собой! Если-бъ онъ сравнилъ ваше смятеніе и свое спокойствіе, онъ повѣрилъ бы и самъ даже, что онъ — сверхчеловѣкъ.

Прежняя пышечка поднялась на кушеткѣ.

— Я никогда не подпадала въ рабство, милостивый государь! Я смѣюсь надъ этой личностью. Онъ настолько необходимъ для меня, что если бы я увидѣла его здѣсь у моихъ ногъ (она показала на цвѣточекъ въ рисункѣ ковра), если-бъ онъ даже и умолялъ меня возобновить отношенія, я прогнала бы его прочь, я вытолкала бы его! Да, мосье, вытолкала бы! Я хочу только отомстить за себя, больше ничего!

— Мстить ему слѣдуетъ не такъ, какъ вы намѣреваетесь. Нужно, напротивъ, показать ему, что вы легко забыли его, что вы никогда и не принимали его въ серьезъ, что онъ былъ ничтожнымъ эпизодомъ въ вашей жизни. Вотъ это будетъ ему чувствительно, потому что это больно задѣнетъ его самолюбіе.

— Да, правда. Я заведу десять, двадцать поклонниковъ. И чтобы онъ зналъ объ этомъ,—мечтала больная.

Этотъ жалкій лоскутъ убогой женской мысли не вызвалъ во мнѣ раздраженія, скорѣе жалость.

Она, повидимому, поняла это впечатлѣніе, потому что упала на подушки и разрыдалась.

Я подождалъ нѣсколько времени, чтобы она выплакалась.

— Послушайте меня, сударыня, это былъ бы опять-таки реваншъ на изнанку, новое униженіе для себя въ честь мосье Эмиля. Выслушайте мои доводы, не нравоученіе, а просто здравые и практически выгодные для васъ совѣты. Что нанесло бы самую чувствительную рану самомнѣнію сеньора Эмиля, это—увидѣть васъ снова счастливой въ бракѣ, увидѣть, что вы искренно предпочли вашего мужа, который и на самомъ дѣлѣ заслуживаетъ этого, насколько я знаю его отъ доктора X., и который такъ любитъ васъ.

— Ахъ, это правда! Мой мужъ—превосходный человѣкъ. И какъ онъ былъ добръ, какъ деликатенъ все это время!

— Вотъ, наконецъ, вашъ самостоятельный и правдивый выводъ. По натурѣ вы—добропорядочная буржуазка. Оставьте же въ покоѣ „Заратустру“ и обратитесь снова въ добропорядочную буржуазку.

Она помолчала, потомъ тяжело вздохнула.

— Я не могу теперь быть съ мужемъ, какъ прежде... я хотѣла бы все разсказать ему... но чувствую, что это невозможно, что это принесетъ больше зла, нежели добра... И потомъ... эта довѣрчивость, эта его доброта... Какъ это мучительно, если-бъ вы знали!

Крупныя слезы падали одна за другой на дорогой пледъ. Я взялъ ея руку.

— Вы мучаетесь, плачете, домъ пришелъ въ разстройство, все идетъ не такъ, какъ прежде, ложь омрачила вашу жизнь. Что же дѣлать! Все оплачивается. Этотъ міровой законъ динамики—дѣйствія и противодѣйствія—такъ же непреложно управляетъ и соціальной, какъ и повседневной жизнью.

За погрѣшности противъ гигіены тѣла плачутся здоровьемъ, равновѣсіемъ тѣлеснымъ, за нарушеніе моральной гигіены платятся душевнымъ равновѣсіемъ. Конечно, въ вашей семьѣ не будетъ уже все попрежнему; вы лишили ее равновѣсія, вы пробили подъ нею брешь. Но вы сдѣлаете еще больше зла, вы рискуете совсѣмъ разорить вашъ семейный очагъ, если вы признаетесь мужу. Итакъ, выбора нѣтъ.

Вѣрю, очень тяжело жить съ обманомъ на душѣ, съ незабываемымъ обманомъ, который будетъ тѣмъ больше тяготить васъ, чѣмъ тѣснѣе возстановится ваша дружба съ мужемъ. Съ этимъ ничего не подѣлаете, сударыня; это—принципъ должнаго и имѣющагося дебета и кредита. Выходъ печальный, но наиболѣе выгодный въ вашихъ обстоятельствахъ, и онъ убережетъ васъ отъ дальнѣйшихъ ошибокъ. Таковъ человѣкъ вашей среды, какимъ я его знаю: жадный къ наслажденіямъ и праздный умомъ. Только тяжкое потрясеніе или приступъ подагры въ тридцать лѣтъ дѣлаетъ его мудрымъ, умѣреннымъ и трудолюбивымъ. Въ первый разъ за всю жизнь вы узнали силу закона возмездія, законъ физической и моральной природы. Используйте же вашъ опытъ.

Тутъ только я замѣтилъ. что моя собесѣдница перестала меня слушать. Она мечтала.

— Да,—шептала она.—Это будетъ элегантная месть... Посвятить себя семьѣ... мужу... который хотя и не далъ мнѣ полнаго счастья... на какое я имѣю право... но онъ

такъ добръ... если же онъ не сумѣлъ меня понять... что же дѣлать!.. Жить въ нравственной красотѣ, на виду у человѣка, который меня покинулъ...

Она сдѣлала паузу, потомъ повторила:

— Жить въ красотѣ... Это будетъ такъ элегантно.

О, Франсуаза! Литература, особенно литература извѣстнаго сорта, перенесенная въ мораль, въ міровоззрѣніе, въ обиходъ жизни,—какой кошмаръ!

Я былъ такъ непріятно пораженъ этимъ рецидивомъ литературнаго паѳоса, что тотчасъ же вскочилъ, чтобы откланяться.

— Вы уже уѣзжаете? — спросила больная.

Огорченный видъ, съ какимъ она сказала это, сдѣлалъ ее снова милой и искренней.

— Да, я ухожу. Прощайте, сударыня.

Быть можетъ, и здѣсь, въ этомъ намѣреніи сдѣлаться добродѣтельной супругой, скрывается та же любовь къ позѣ, притворство, желаніе показать себя героиней семейной добродѣтели? Но вѣдь еще недавно

она разрывала съ добродѣтелью отчасти изъ той же любви къ красивой позѣ!

— Это жестоко,—сказала она тономъ обиженнаго ребенка,—это жестоко оставлять меня такъ скоро и совсѣмъ одну... Но я не смѣю злоупотреблять вашими драгоцѣнными минутами. Вы ободрили меня, благодарю васъ.

— Вспоминайте почаще правило: „все оплачивается",—сказалъ я, пожимая протянутую ручку,—это хорошее правило. Его нужно любить даже тогда, когда оно наказываетъ.

— А его? Его оно накажетъ? И онъ также заплатитъ свою часть? Какъ вы думаете?

— Будьте покойны. Я вамъ сказалъ, что это непреложный законъ мірозданія.

Дойдя до двери будуара, я обернулся, чтобы въ послѣдній разъ поклониться хозяйкѣ.

Она остановила меня знакомъ.

— Я чувствую себя лучше, благодаря вамъ. О, какъ хотѣлось бы поскорѣе поправиться! Я хочу быть на его свадьбѣ... Войти рядомъ съ моимъ мужемъ, подъ руку, нѣжно прижавшись... въ элегантномъ туа-

летѣ... въ свадебномъ головномъ уборѣ... Постарайтесь придти! Это будетъ восьмого сентября, у святого Августина. Приходите, вы будете довольны мной!

Вотъ послѣднія слова, Франсуаза, которыя я услышалъ отъ пышечки.

Бѣдная пышечка! Жалкій осколокъ моральной революціи. Старые барьеры падаютъ, старыя цѣпи рвутся слишкомъ преждевременно для такихъ созданій.

Не нужно ли оставить, Франсуаза, какое-нибудь убѣжище для этихъ созданій, подхваченныхъ ураганомъ эмансипаціи прежде, чѣмъ они успѣли сложиться въ личность, обрѣсти душу свою?

КОНЕЦЪ.

ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛІОТЕКА.

№ 1.

Г. Зудерманъ.

Индійская Лилія.

№ 2.

М. Прево.

Исторія пышечки.

ПЕЧАТАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЕ ВЫПУСКИ:

А. Килландъ. Новеллы.

В. Михайловъ. Отголоски декабристскаго движенія во французской литературѣ.

Цѣна каждаго номера 10 к.

Книгоиздательство „ЗВѢЗДА“
Н. ОРФЕНОВЪ
Москва, Садовая-Кудринская, д 153 (Шереметева), кв. 69.
Телефонъ 144-58.

